

Е. ФЕОКТИСТОВ

[Победоносцев]

<...> Когда покойный император Александр Николаевич вознамерился назначить Победоносцева обер-прокурором Синода, то пожелал узнать мнение о нем Толстого, и граф Дмитрий Андреевич отвечал, что это человек умный и даровитый, но, к сожалению, «отчаянный фанатик». Я слышал это от него самого. Плохо же умел он распознавать людей! Если в иностранных газетах выставляли К. П. Победоносцева каким-то Торквемадой, то это неудивительно при грубом их невежестве во всем, что касается России, но всякому сблизившемуся с Константином Петровичем нетрудно было, кажется, понять, что натура его была не из таких, которые способны к фанатизму. Несомненно, что он обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, все его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное, не говоря уже об юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна, и в литературе, и в науке, и даже в искусстве обнаруживал он солидные сведения. Он все мог понять и о многом судил верно. Если бы не случай, из него вышел бы замечательный деятель на ученом или литературном поприще, но судьба сблизила его с государем, когда еще тот был наследником престола, и это открыло ему такое поприще, которое едва ли было ему по силам. Возвращаясь к характеристике его, сделанной графом Толстым, следует заметить, что фанатизм не совместен с колебаниями и сомнениями, фанатизм, не смущаясь ничем, идет прямо к своей цели, а не было, кажется, человека, который так пугался бы всякого решительного действия, ум которого был бы в такой степени проникнут духом неугомонной критики. Подобные люди не способны увлекать других, они сами не идут вперед и мешают идти тем, кто отважнее их.

От К. П. Победоносцева можно было досыта наслышаться самых горьких иеремиад по поводу прискорбного положения России, никто не умел так ярко изобразить все политические и

общественные наши неудачи, но стоило лишь заикнуться, что нельзя же сидеть сложа руки, необходимо принимать меры, которые вывели бы нас из мрака к свету, и он тотчас же приходил в ужас, его невыразимо устрасала мысль о чем-либо подобном. По-видимому, он полагал, что, излив свои сетования, он сделал все, чего можно от него требовать, и что затем остается только уповать на милосердие промысла. Конечно, трудно было согласиться с этим; Константину Петровичу возражали, что бездействие правительства должно привести Россию к страшным бедствиям, — в ответ на это он приводил странный аргумент, он указывал на то, что никакая страна в мире не в состоянии была избежать коренного переворота, что, вероятно, и нас ожидает подобная же участь и что революционный ураган очистит атмосферу. Хорошее утешение! Однажды кто-то весьма основательно заметил ему на это, что если все государства подвергались революционным потрясениям, то не было еще примера, чтобы правительство, так сказать, включало революцию в свою программу, считало ее таким неизбежным явлением, с которым бесполезно и бороться. Победоносцев действовал смело и решительно только в самые опасные минуты, когда пожар грозил охватить все здание: так, например, он убедил государя удалить Лорис-Меликова; но по миновании непосредственной опасности он по-прежнему начинал бесплодно оплакивать бедственное состояние России. Не было, кажется, такой сколько-нибудь существенной законодательной или административной меры, против которой он не считал бы долгом ратовать; он тотчас же подмечал ее слабые стороны, и в этом заключалась его сила; впрочем, и не находя в ней важных недостатков, он все-таки не упускал случая возражать. Однажды в разговоре со мной он откровенно высказал, что, если бы это зависело от него, он сократил бы до minimum'a деятельность Государственного совета: к чему перемены, к чему новые узаконения, когда еще неизвестно, будет ли от них прок! Следует заметить, что в этом отношении он был одинаково беспристрастен и к своим единомышленникам, и к противникам, ко всем безразлично относился он с недоверием, так что и те лица, которые состояли в одном с ним лагере, подвергались его порицаниям. К сожалению, слабых своих сторон К. П. Победоносцев не замечал, напротив, имел о себе весьма высокое мнение; он очень любил, чтобы обращались к нему за советами; многие, подметив это и зная, каким влиянием пользуется он в высших сферах, подвергали его рассмотрению даже такие вопросы, которые были ему совершенно чужды; он жаловался на это, говорил, что не дают ему покоя, заваливают его работой, а если, принимая эти жалобы за чистую монету, оставляли его в

стороне, считал себя обиженным. Я не сомневаюсь, что, стоя близко к государю, он желал добросовестно исполнить свой долг, не пользовался своим положением для личных целей, что намерения его были самые благие, и это уж не его вина, если по складу своего ума и при нерешительном своем характере он не мог принести много пользы. Не такого руководителя было нужно императору Александру Александровичу, у которого никогда не проявлялось ни малейшей инициативы. Несчастье К. П. Победоносцева заключалось также в том, что он не умел не поддаваться соблазнам предоставленной ему роли: всякий старался заискивать перед ним, ежедневно и утром и вечером кабинет его наполнялся разным людом; кого только нельзя было встретить тут и в какие только дела не вмешивался он, — уже и без того не способен был он овладеть сколько-нибудь широкими задачами, а это еще более заставляло его без всякой нужды тратиться на мелочи. Но я должен отдать справедливость Константину Петровичу, что никогда не задумывался он высказывать государю прямо то, что у него лежало на душе, не стесняясь никакими посторонними соображениями, — к каким благотворным последствиям могло бы повести это, если бы он был государственным человеком в настоящем смысле слова...

Впрочем, была сфера, в которой он обнаруживал необыкновенную энергию: говорю о нашей периодической печати. Я всегда изумлялся, как у него хватало времени читать не только наиболее распространенные, но и самые ничтожные газеты, следить в них не только за передовыми статьями или корреспонденциями, но даже (говорю без преувеличения) за объявлениями, подмечать такие мелочи, которые не заслуживали бы ни малейшего внимания. Бесперывно я получал от него указания на распущенность нашей прессы, жалобы, что не принимается против нее достаточно энергичных мер. К. П. Победоносцев был вполне прав, утверждая, что ей принадлежала преобладающая роль в революционном брожении, охватившем одно время Россию; великим бедствием, говорил он, было для нашего общества, отличавшегося далеко не высоким развитием, чуждого в громадном большинстве своем всяких умственных интересов, что, как только занялась над Россией заря новой жизни, оно очутилось вместо книги с газетою в руках и оставалось беззащитным против самых безрассудных теорий; все это несомненная истина, но под влиянием неопределенного страха, овладевшего им, он готов был в репрессивных мерах не останавливаться ни пред чем.

